

© 2006 г. Т. В. ЛЕОНТЬЕВА

ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ “РАСТИТЕЛЬНЫХ” МЕТАФОР

В статье представлен анализ фрагмента лексико-семантического поля “Интеллект человека” в мотивационном аспекте. Изучаемые факты являются реализацией “растительной метафоры”, т.е. мотивированы названиями растений. Рассмотрены лексические и фразеологические единицы разных форм существования русского языка – литературные, диалектные, жаргонные. При реконструкции мотивов, лежащих в основе метафор, выделяются мотивы разной степени отвлеченности от предметных образов: частные, сквозные мотивы и мотивационные доминанты. Выявленная система образов и мотивов, представленных в рамках растительного кода, доказывает правомерность выделения предметно-тематического кода как самостоятельной единицы при исследовании лексико-семантических полей.

Языковые факты, составляющие лексико-семантическое поле “Интеллект человека”, отличаются исключительной экспрессивностью, которая во многом обусловлена *метафоричностью*, заложенной во внутренней форме слов и в денотации ФЕ: “Экспрессивность – это усиление восприятия за счет эмоциональной реакции, вызванной образностью, в том числе – и звуковой” [Телия 1996: 112]. К настоящему времени аксиомой стало положение о метафоричности человеческого мышления и, как следствие, картины мира человека, элементы которой запечатлены в единицах языка. Механизмы осмысления мира, базирующиеся на метафоре, являются общими для представителей одного языкового коллектива: “Первоначально очень конкретные, очень субъективные представления, закрепляясь в языке и приобретая воспроизводимость в речи, утрачивают свою субъективную окраску, становясь достоянием речевой практики всего данного коллектива говорящих или его определенной части” [Лукиянова 1986: 68; Брагина 1999; Головановская 1997; МЯТ 1988; Опарина 2000; Рут 1992; Телия 1996; ТМ 1990; Чернейко 1997; Чудинов 2001]. Понятие метафоры актуально для разных направлений лингвистики. В работах по семантике о метафоре говорится при рассмотрении способов образования новых значений; в трудах по когнитивной психологии и лингвистике метафора исследуется как когнитивный инструмент концептуализации, экономичный путь указания на вещи и т.п. [Мягкова 1998: 123].

Размышления о когнитивной ценности метафоры привели к рождению теории концептуальной метафоры (обзор соответствующих работ представлен в [Опарина 2000]), согласно которой “метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует”; следовательно, “наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума” [Чудинов 2001: 41]. Анализ образов, составляющих систему, помогает выявить сеть приоритетных для номинатора мотивационных моделей. С точки зрения системности метафорического представления каких-либо понятий рассматриваются лексико-семантические поля, способные служить материалом для интерпретации иной действительности (ср. понятие “донорского поля” [Толстая 2002: 13]).

Русский язык традиционно использует образную сферу “Растительность” в качестве базы для метафорического преобразования представлений об умственных способностях и действиях человека. Лексические и фразеологические единицы, в которых воплощены “растительные” метафоры, интересно рассмотреть во всей их совокупности, как са-

мостоятельную группу, с тем чтобы определить круг образов, которые номинатор выделяет из множества элементов растительной сферы, считая их пригодными для ассоциирования с умственным здоровьем (это один полюс рассматриваемого лексического единства, в котором представлены разные формы существования русского языка) или с интеллектуальной несостоятельностью (другой полюс). Вообще лексико-семантическое поле “Интеллект человека” не имеет себе равных по объему и включает в себя две лексико-семантические зоны – “Ум” и “Глупость”; каждая из них неизменно представлена во всех сферах отождествления, которые мы считаем возможным определить термином **предметно-тематический код**.

В этнолингвистических исследованиях широко используется термин *код (культурный код)* [Байбурин 1988; Байбурин, Левинтон 1998; Березович 2004: 11–12; Быкова 2005; Толстая 2002; 2004 и др.]. Как справедливо отмечает С.М. Толстая, понятие кода оказывается прямым продолжением (или расширением) лингвистического понятия мотивации [Толстая 2002: 124]. В число культурных кодов входят, в частности, соматический, цветовой, животный, растительный и другие коды. Последний из перечисленных кодов и стал объектом нашего внимания. Таким образом, предметно-тематический код мы понимаем как совокупность элементов одной сферы действительности, через посредство которых носитель языка осмысляет действительность иного рода.

Элемент кода – *образ предмета реальной действительности* (в данном случае – растительной реалии), существующий в сознании человека и отражающий представления носителя русского языка о номинируемом объекте, или *метафорический сюжет с использованием какого-либо образа предмета реальной действительности* (то есть образ, сконструированный на основе растительного образа). Например, в русск. жарг. *укроп* ‘глупый, наивный человек’ [БСЖ: 611] образ глупого человека проецируется непосредственно на образ растительной реалии: “человек – укроп”. Элемент кода создается на основе представлений номинатора, во-первых, о “важном” свойстве растительной реалии (“укроп – огородная зелень, растение зеленого цвета”), во-вторых, о том, что зеленый цвет – это цвет незрелых плодов. Опираясь на них, человек считает этот образ способным служить адекватным отражением временного, свойственного юности несовершенства ума. А в русск. диал. *как мухомором обвевше* ‘одуревший’ [НОС 1992–2000, 6: 120] образ потерявшего рассудок человека проецируется не на образ растительной реалии (не “человек-мухомор”), а на образ человека, отравившегося мухомором (“глупый человек – отравившийся мухомором человек”).

Основное назначение элемента кода – быть способным пояснять другую действительность, служить отражением иного объекта. Элемент кода несет информацию о представлениях носителя языка относительно номинируемой им действительности. В попытке извлечь эту информацию приходится прибегнуть к сопоставлению элемента кода и номинируемого объекта с целью обнаружить **мотив**, объясняющий причину их ассоциирования друг с другом. Осуществление такого сопоставления – один из этапов реконструкции представлений русского человека об интеллектуальной сфере.

Мотивы можно формулировать с разной степенью отвлеченности от предметных образов. Можно говорить о частных, сквозных мотивах и о мотивационных доминантах. Например, в номинациях, представляющих метафору отравления запахом, соком, плодами ядовитого растения или грибами, сопоставляются образы интеллектуально неполноценного человека и отравившегося человека. Лексемы имеют мотивировку “отравившийся ядовитым растением, грибом”; это **частный мотив**. Сопоставляя эту метафору с принадлежащими к другим предметно-тематическим кодам моделями [“глупый – ударившийся”, “глупый – перенесший эмоциональное потрясение” (диал. *мочёным мешком хлёстнута*, русск. жарг. *печалью прихлопнутый* ‘о глупом’) и т.п.], выявляется **сквозной мотив** “претерпевший воздействие чего-либо”. Определение “сквозной” оправдывается тем, что это мотив более высокой степени обобщения: он актуален для метафор из других кодов и может быть реконструирован из других частных мотивов. Иначе говоря, он проходит через (= сквозь) разные коды, имея, так сказать, межкодовый статус. Его с равным успехом можно “примерить” к каждому из сопоставляемых объектов – к обра-

зам глупого и отравленного человека. Со стороны номинируемого объекта к сопоставлению этих образов располагает **мотивационная доминанта “временно пребывающий в особом состоянии по какой-либо причине (о глупом человеке)”**. “Техника” экспликации мотивов может быть продемонстрирована на примере одного кода: системные связи внутри него подобны тем, которые можно наблюдать в лексико-семантическом поле “Интеллект человека” (часть подобна целому), – например, растительного, или ботанического.

Выбор именно этого предметно-тематического кода в качестве объекта для иллюстрации исследовательской методики, применяемой в изучении организации лексико-семантического поля, обусловлен несколькими причинами. Во-первых, этот код, как можно предположить, универсален для разных языков. Во-вторых, этот код универсален для разных форм существования русского языка: растительные образы в равной мере используются для ассоциирования с объектами интеллектуальной сферы носителями разговорного языка, городского просторечия, молодежного и уголовного жаргона, русских народных говоров. В-третьих, этот код активно развивается, тем самым предоставляя возможность наблюдать “живой” процесс формирования новых метафор, происходящий под неизбежным прессингом как со стороны языковых явлений, так и со стороны особенностей мышления русского человека, то есть под влиянием довлеющей над человеком национально-языковой картины мира.

Материал, принадлежащий растительному коду, будет представлен в виде перечня метафор. Обозначения метафор, вынесенные в заголовки, сформулированы “от образа”, возникающего при буквальном прочтении метафоры и ассоциируемого с интеллектуальным благополучием / неблагополучием или действием; например, метафора вегетации растений, метафора стоящего на корню дерева, метафора замещения органа мышления овощем и т.п.

Порядок представления метафор определен несколькими критериями. Последовательно учитывались (а) наличие / отсутствие динамической составляющей в метафорическом сюжете; (б) наличие / отсутствие в сюжете субъекта интеллектуальной деятельности; (в) выражаемая мотивационная доминанта, (г) наличие в сюжете одной растительной реалии (например, дерева), (д) охват единиц лексического материала, поскольку есть модели “крупные” и “мелкие”, реконструируемые на основе единичных языковых фактов.

На порядок следования метафор не повлияло деление моделей на симметрично организованные (антонимичные) и несимметричные. Симметричные модели (такие, которые образуют пару) представляют собой взаимное отражение друг друга с противоположными “зарядами” – плюс и минус. Симметрия (антонимия) заключается в строгой поляризации образов и в противопоставленности выражаемых ими мотивов каждого уровня (ср. метафору качественной и некачественной древесины). Ботанический код не богат симметричными моделями. Этому препятствует максимальная однозначность представленных в этом коде образов, ибо каждая растительная реалия обычно обладает каким-либо одним свойством, которое в наивно-языковом сознании ассоциативно связывается, например, с интеллектуальным благополучием человека и не может обладать одновременно противоположным свойством, которое ассоциировалось бы с глупостью. Наличие симметрии всякий раз специально оговаривается.

В ономазиологическом анализе избранного материала можно обозначить следующие этапы. Во-первых, на лексическом и фразеологическом материале ботанического кода выявляется **перечень растительных образов**, с которыми связывается в сознании носителя языка работа ума. Во-вторых, становится возможным реконструировать **метафоры**, обнаруживающие связь между образами интеллектуальной сферы и растительными образами. В-третьих, в попытке вскрыть **механизм ассоциирования** встает необходимость поиска **основания** для возникновения каждой метафоры, которое следовало бы выявлять в виде **соотношения свойств, приписываемых сопоставляемым объектам**. Результатом такого анализа являются выводы практического и теоретического характера. Первые касаются только системы образов и особенностей строения одного

кода. Вторые не теряют своей актуальности в перспективе целостного описания лексико-семантического поля, а именно в отношении представленной методики исследования полевых структур.

Перечислим **образы растительных реалий**, задействованных в метафорическом воплощении представлений носителя русского языка о работе и уровне интеллекта человека. Речь идет именно об образе (элементе картины мира), а не о реальном предмете (факте действительности) и не о его обозначении (языковом факте), поскольку в процессе создания вторичных номинаций человек оперирует образами предметов, существующими в его сознании. Интеллектуальная неполноценность связывается в наивно-языковом сознании с образами леса, дерева, мха, ядовитых растений и грибов, сорняков, лопуха, крупных овощей, гороха и “растительных” отходов, остающихся после обработки зерновых культур. В картине мира носителя уголовного жаргона глупый человек ассоциируется также с укропом и эдельвейсом. Умственное здоровье связывается в народной картине мира с образом дерева, древесина которого является качественным строительным материалом, а в молодежном жаргоне – с образом кедра. Процесс мышления или интеллектуальный рост человека, “подстегиваемые” интеллектуальным воздействием извне, видится как цикл роста и развития растения от возделывания земли до сбора плодов, что особенно характерно для русского литературного языка. Даже при столь поверхностном взгляде на растительные образы заметны разночтения в картине мира носителей разных форм русского национального языка.

Представленное множество растительных образов поддается некоторому упорядочению с учетом наличия в метафорах **динамической составляющей**, особое внимание к которой обусловлено характеристическими особенностями лексико-семантического поля “Интеллект человека”, имеющего в качестве центра оппозицию идеограмм ‘мыслить, совершать умственное действие’ и ‘быть неспособным совершать умственное действие’. Наличие или отсутствие движения, действия, развития, изменения занимает ключевую позицию в ряду смысловых единиц данного поля. Буквальное содержание первых двух метафор составляет непосредственное взаимодействие человека с объектами растительного мира: блуждание в лесу и изменение состояния человека вследствие “манипуляций” (*наестся, понюхать, натереться*) с некоторыми растениями. Первая указывает на неуспех мыслительных операций, вторая – на интеллектуальный регресс. Большинство последующих моделей характеризуется тем, что в метафорической “картинке” человек как субъект интеллектуальной деятельности не присутствует; его или производимые им интеллектуальные объекты на правах ассоциации замещает растение. В частности, третьей будет рассмотрена имеющая статус фрейма метафора вегетации растений, буквальное содержание которой составляют такие действия, как выращивание и рост растений, ассоциируемые носителем русского языка с воздействием на ум другого человека и с качественными изменениями идеальных объектов интеллектуальной сферы. Ей отчасти сюжетно близка описанная четвертой метафора созревания, ассоциируемого с интеллектуальным становлением личности. Таким образом, динамика, присутствующая в растительном мире, проецируется на динамику мыслительного процесса.

Тот факт, что динамический аспект идеограмм поля “Интеллект” (*соображать, умнеть, глупеть, терять рассудок*) средствами растительного кода обозначить труднее, чем статичные характеристики человека (*умный, глупый*), вполне закономерен. В данном случае преимущество на стороне статических метафор. Очередность их представления определена в соответствии с реконструированными мотивационными доминантами. Большинство из них основывается на представлениях носителя русского языка о “типичных качествах” каких-либо растений, отражающих “стандартное видение” этих объектов русским человеком: зеленый цвет растительности, экзотичность некоторых растений (цветка, дерева), сходство крупных овощей с головой человека, сходство листьев лопуха с ушами человека и т.п. В других метафорах обнаруживается прагматический взгляд носителя языка на растительные объекты: они оцениваются с точки зрения

пригодности в хозяйстве и удобства для обработки. Рассмотрим метафоры, имеющие динамическую составляющую.

1. Метафора блуждания в лесной глуши. Операциональный аспект умственной деятельности представлен в самом отчетливом виде именно в этой метафоре, рисующей субъекта интеллектуального действия передвигающимся в пространстве. Она базируется на представлении русского человека о том, что лес – часть дикой природы, незнакомая, чуждая ему, неосвоенная территория, пребывание на которой небезопасно: человек рискует заплутать в лесной глуши. Темнота выступает как атрибут леса, поскольку в наивно-языковом сознании лес – место “с плохой видимостью”, так как нельзя видеть, знать, куда ведет лесная дорога или тропинка. В языковых фактах отрицательно-интеллектуальной сферы оказываются релевантными такие культурные коннотации¹ лексемы *лес*, как “дикий”, “темный”. Поэтому бесполое блуждание по лесу в поисках тропы ассоциируется с неуспешной умственной деятельностью: *как в темном лесу (быть, очутиться)* ‘о непонимании чего-либо’ [СРФ 1999: 336], иркут. *темный лес – никакого просвета* ‘глупый, тупой’ [ФСРС 1983: 105], иркут. *наговорить семь верст до небес и всё лесом* ‘наговорить глупостей, нелепостей’ [СРНГ 37: 158]. Частный мотив “идущий по лесу” через посредство сквозного мотива “блуждающий в плохо просматриваемом пространстве” входит в мотивационную доминанту “хаотично движущийся (о субъекте интеллектуальной деятельности)”.

2. Метафора отравления человека запахом, соком, плодами ядовитого растения или грибами. Динамическая составляющая завуалированно присутствует и в метафорических образах, описывающих ухудшение умственного здоровья, т.е. интеллектуальный “регресс”, пусть даже имеющий временный характер: момент наступления интеллектуальной неполноценности видится как результат отравления ядовитыми растениями или грибами. Так, по формуле “наелся / объелся + ядовитое растение, гриб = потерял рассудок” сконструирован фразеологизм *белены объесться* ‘обезуметь, одуреть’ [МАС 1981–1984, 1: 77], а также ряд диалектных идиом: рост. *объесться бесилой* (*бесюки, бесила*) ‘обезуметь, объесться белены’ [СРНГ 22: 275], дурману *объелся (кто)* [без указ. места] ‘ошалел’ [Даль 1999, 1: 502], новг. *как мухомором объевшие* ‘одуревший’ [НОС 1992–2000, 6: 120]. Кроме того, некое (неясно какое) ядовитое растение упоминается в арх. *диким перцем натереться* ‘обезуметь, одуреть’: *В лесу ягоды такие, их есть нельзя – дикий перец; кто придурится шишко, говорят, диким перцем натёрся* [КСРС]. Обсуждаемая метафора просматривается и в диалектных словах с внутренней формой,

¹ Как известно, культурная информация может быть представлена посредством культурных коннотаций. Коннотативность определяется как способность языковой единицы к актуализации дополнительных смыслов [Быкова 2005: 23], а коннотации понимаются как “несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею (лексемой) понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности” [Апресян 1995: 159], “закрепленные в культуре данного общества ассоциации”, сопровождающие лексическое значение и складывающиеся в стереотип [цит. по: Апресян 1995: 159], “результат интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами” [Маслова 2001: 54]. Коннотации имеют ассоциативную природу и отражают не сами реалии, а отношение к ним, определенный взгляд на них, обусловленный культурой какого-либо языкового сообщества. Коннотация имеет интерпретативный характер и определяется В.Н. Телия как “интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры” [Телия 1996: 214]. Таким образом, “коннотация есть смысловой компонент, не входящий непосредственно в лексическое значение слова, выражающий несущественные (факультативные) с логической точки зрения признаки понятия, которые, тем не менее, устойчивы, значимы для данного языкового сообщества, являются отражением культурно-детерминированного выбора носителей языка и могут быть верифицированы на системно-языковом уровне” [Березович 2005: 10]. Отнесенность языковой единицы к определенному культурному пространству явилась основанием для введения понятия этноконнотации [Быкова 2005: 42].

апеллирующей к существительным *белена* и *дурман*: псков. *взбелениться* ‘одуреть’ [СРНГ 4: 239], петерб. *одурманиваться* ‘одуреть’ [СРНГ 23: 69], псков. *одурманить* ‘лишить памяти и сознания’ [СРНГ 23: 68]. Ср. также широко распространенные в русских говорах существительные *дурман* ‘дурак’ и *дурман* ‘название некоторых (обычно ядовитых или сорных) растений’ [СРНГ 8: 267], между которыми носитель языка может проводить ассоциативную связь. Как уже говорилось, для данной метафоры восстанавливается цепочка мотивов “отравившийся ядовитым растением, грибом” – “претерпевший воздействие чего-либо” – “временно пребывающий в особом состоянии по какой-либо причине (о человеке)”.

3. Метафора вегетации растений: интеллектуальное действие и воздействие как поэтапный рост и выращивание различных культур. Это одна из немногих метафор, воплотившихся преимущественно в лексическом материале русского литературного языка. Анализируя особенности языковой реализации этой метафоры, можно отметить, что она выливается большей частью на основе сочетаемости слов тематической группы “Интеллект” с лексикой конкретной семантики, описывающей вегетацию растений.

В образном воплощении различных умственных акций задействованы различные этапы цикла развития растения, начиная с образа родящей земли и заканчивая периодом созревания и плодоношения, в связи с чем можно говорить о том, что в данной метафоре присутствует динамический аспект – поступательное движение, качественное изменение, прогрессирование. В этом русле разработаны концепты *мысль, идея, сомнение*.

Целенаправленное воздействие на интеллект другого человека или на умы нескольких, многих людей, вмешательство в интеллектуальное пространство человека с целью инициировать (*заронить сомнение, посеять сомнение, прививать идеи*) или активизировать (*питать идеи*) мыслительную деятельность, направив ее в определенное русло, отождествляется с процессом возделывания земли, выращивания растений (*насаждать идеи*). Нам известен один фрагмент фольклорного текста, содержащий метафорическую ситуацию посева: *Да зажег сердце ты мое ре... ох, ретивое, От да бросил мысль-цы, парень, да во меня* [СРНГ 19: 61].

Проводятся ассоциации между ростом растения и интеллектуальной деятельностью человека, начатой им самостоятельно или спровоцированной извне. Так, начальный этап работы ума в заданном кем-либо извне направлении обнаруживает в наивно-языковом сознании сходство с укоренением растения: *семена [идеи] упали на плодородную почву, идея пустила корни (в ком)*. Результат внедрения идеальных сущностей в интеллектуальное пространство одного или нескольких людей описывается через метафору плодоношения: *идеи плодоносят*. Успешное завершение мыслительной деятельности человека отождествляется с созреванием плодов растений: *зреет мысль, зреет решение (у кого), У меня в голове созрела богатая мысль* [Даль 1999, 1: 694].

Данная метафора распадается на две модели в соответствии с двумя базовыми пропозициями – “расти” и “выращивать”.

Первая цепочка: частный мотив “выращивать” – сквозной мотив “вмешиваться в процесс” – мотивационная доминанта “воздействовать на интеллект другого человека”.

Вторая цепочка: частным мотивам “укорениться”, “зреть”, “плодоносить” соответствуют сквозные мотивы “занять место в пространстве”, “совершенствоваться”, “принести результат” соответственно. Все они, в свою очередь, включаются в мотивационную доминанту “воспроизводиться (об идеальных объектах)”.

Дело в том, что вегетативная метафора представляет собой фреймовую структуру. Это ситуация, развернутая во времени и в пространстве. Ее участники – человек и объекты растительного мира: семена, растение, плоды, почва, удобрения. Этот фрейм есть отражение представлений об одной из возможных интеллектуальных ситуаций. В проекции на интеллектуальное пространство человека речь идет, во-первых, о человеке, осуществляющем воздействие на интеллект другого человека, во-вторых, о субъекте интеллектуальной деятельности (одном или нескольких) и, в третьих, об идеальных объектах – мыслях, сомнениях, решениях.

Обсуждаемая метафора манифестирует возможность одностороннего интеллектуального воздействия человека на интеллект другого человека. Интеллект видится как пространство. Идеальные сущности предстают как объекты, внедряемые в интеллект другого человека, и одновременно как сущности, способные к самовоспроизводству. Интеллектуальная деятельность представляется как деятельность, направленная на производство и воспроизводство идеальных сущностей определенного содержания.

4. Метафора созревания растений. Ее следует отличать от вегетативной метафоры и рассматривать автономно, поскольку созревание растений как один из этапов их роста ассоциируется в русском языковом сознании не только с ситуацией формирования в ходе умственной деятельности идеальных объектов (мыслей, решений), но и с ситуацией интеллектуального становления личности, то есть с качественным изменением мыслительной способности человека. Иначе говоря, метафора созревания предназначена для характеристики уровня интеллекта человека, поэтому она “более статична” по сравнению с предыдущей. Динамика в сюжете отчасти сохранилась, но в несколько “стертом” виде: приобретенное качество (зрелость) есть результат предыдущего действия (созревания), а незрелость, соответственно, – результат незавершенного действия.

Обсуждаемая метафора представляет собой противопоставление двух моделей, одна из которых располагается в лексико-семантической зоне “Ум”, другая – в зоне “Глупость”. Так, интеллектуальная неполноценность ассоциируется в наивно-языковом сознании с незрелостью плодов или хлебов: *Малый долго зрел, да не дозрел* ‘медленно рос и развивался’ [Даль 1999, 1: 694]. Мотивы выстраиваются в цепочку “незрелый” – “недоразвившийся, не достигший кульминационной точки развития” – “несовершенный, неполноценный”. Противоположный полюс составляет цепочка мотивов “зрелый” – “развившийся” – “совершенный, полноценный”: *зрелый* ‘рассудительный’ и *зрелость* ‘степень рассудительности’ [Даль 1999, 1: 694], калуж. диал. *выколоситься* ‘слишком много знать и понимать для своего возраста (о ребенке)’ [СРНГ 5: 293]. Рассмотрим статические метафоры, сгруппированные по выражаемой мотивационной доминанте “неразвитый”.

5. Метафора огородной зелени. Истоки ассоциирования зеленого цвета вообще и зеленого цвета растительности в частности с молодостью, неопытностью и бесплоковостью лежат в образе незрелых плодов. Жарг. угол. *укроп* ‘глупый, наивный человек’ [БСЖ 2000: 611] возникло потому, что укроп в наивной картине мира современного человека – образцовая *зелень*. Этот образ уникален тем, что в нем прослеживаются только два мотива: частный мотив “зеленый” включается в мотивационную доминанту “неразвитый”, поскольку мотив “незрелый” решительно неприложим к образу укропа и присутствует здесь только на уровне ассоциации, возникающей единственно потому, что лексема *зелёный* имеет устойчивую коннотацию “молодой, неопытный”. Обратим внимание, что динамика, первоначально присущая метафорической ситуации вызревания растений, вовсе исчезла на этапе привлечения лексемы *укроп* к обозначению глупого человека.

6. Метафора дикого лесного захолустья: лес и мох. Идея неразвитости может получить воплощение и в изначально статическом образе. В наивно-языковой картине мира русского человека лес предстает как дикое место, удаленное от центров культуры и образования, поэтому образ лесного захолустья является символом интеллектуальной неполноценности. В русских народных говорах “лесная” метафора разработана детальнее, чем в молодежном сленге (жарг. *тайга* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ 2000: 580]). Диалектные материалы позволяют обозначить несколько вариантов этой метафоры. Наряду с моделью “глупый человек – дикий лес” (омск. *тайга тайгой* ‘недалекий, неграмотный человек’ [ФСРГС 1983: 195]) существует модель “глупый человек – лесное растение” (красноярск. *как отросли из лесу* ‘о людях малоознающих, неразвитых’ [СРНГ 24: 299]). Но наиболее распространенной является модель “глупый человек – человек, проживающий вблизи диких лесов”: орл. *полеха* ‘житель полесья’ и ‘невежда, неуч’ [СРНГ 29: 65], волог. *заулешица* ‘глухое безлюдное или малонаселенное место’ и

‘невежественный, отсталый человек’ [КСГРС] (с корневой морфемой *-лес-*), костромск. *всё лес, ельняк, всё к небу дира* ‘о серости, отсталости’ [СРНГ 20: 319].

На уровне коннотаций маркером дикости и, как следствие, символом умственной неразвитости является также мох, местом произрастания которого является чаще всего лес: ср. жарг. *пенек замушелый* ‘глупый человек’ [СМА 1994: 321] и псков. диал. *мох и болото (наговорить)* ‘много глупостей, нелепостей (наговорить)’ [СРНГ 18: 309]. Неслучайно в последнем выражении упоминается еще один “дикий локус”, отождествляемый с интеллектуальной неполноценностью, – болото: псков. *болотина* ‘дурак, простофиля’ и *болотный* ‘глупый, бессмысленный’ [СРНГ 3: 79].

Таким образом, частный мотив “лесной” входит в сквозной мотив “дикий, захолустный, удаленный от культурного центра” и далее в мотивационную доминанту “неразвитый (о человеке)”.

7. Метафора замещения необходимого содержимого головы человека растительным мусором – мхом, сорняками, соломой. В данном случае вновь попадает в кадр субъект интеллектуальной деятельности, вернее, главная его “часть” – голова, анатомически являющаясяместилищем мозга – органа, отвечающего за мыслительную деятельность человека. Неслучайно отдельные языковые факты рисуют метафорическую ситуацию наличия или отсутствия головы (а значит, и органа мышления) у человека, оцениваемого с точки зрения умственного потенциала, ср. разг. *человек с головой* ‘умный’ [Ожегов 1999: 135] и разг. *совсем без головы кто-н.* ‘совершенно глуп’ [Там же]. Нелестные высказывания о чьем-либо интеллекте содержат подозрения именно в отношении его головы: разг. *что-то с головой у кого* ‘не совсем нормален’ [Там же: 136], *проблемы с головой у кого* и *на голову слабенький* ‘о ненормальном’ [АТЛ], диал. *повлиять на голову* ‘помутить рассудок’ [СРНГ 27: 248].

Голове умственного здорового человека “предъявляется” требование наличествовать и требование иметь полноценное содержимое. Трудно сказать, что подразумевается под этим содержимым – орган мышления (мозг, мозги) или хранимая информация (интеллектуальный багаж). При интерпретации фразеологического материала, содержащего компонент *голова*, следует исходить не из научной картины мира, согласно которой голова естьместилище мозга, а скорее, из наивно-языковой картины мира, где голова –местилище ума. Если мозг – это орган, и никакой двусмысленности не возникало бы, то ум – это понятие, которое в наивно-языковом сознании “живет” как синкретичное сплетение нескольких концептов. В нем совпали ум-орган, ум-инструмент, ум-механизм, ум-багаж, ум-пространство, ум-царь, и они часто бывают неразличимы. Более того, в наивно-языковом сознании обнаруживается представление о том, что думаем мы *головой*, а стало быть, сама голова, вмещающая в себя ум в любом его “концептуальном облике”, выступает как орган мышления. Если этот орган неполноценен, то он не в состоянии исправно функционировать.

Из этого следует, что для обсуждаемой метафоры можно реконструировать частный мотив “имеющий голову, набитую соломой, мхом, сорняками”, который является частью сквозного мотива “имеющий неполноценный, ущербный орган мышления” и мотивационной доминанты “неспособный к интеллектуальной деятельности”.

Согласно наиболее “привычной” для носителя русского языка метафоре, голова глупого человека заполнена отходами, остающимися после обмола зерновых культур и льна. Обычно это солома, мякина, ср. также диал. *пелы* ‘мякина, отходы при обработке зерна, льна’ [СПП 2001: 28], *пелёва* ‘мякина’ и ‘овсяные отруби’ [СРНГ 25: 322]. По этой модели образовано разг. *в голове солома* ‘о глупом человеке’ [АТЛ] и ряд диалектных единиц: омск. *мякинная голова* ‘глупый, дурной человек’ [ФСРС 1983: 45], псков. *голова пеловая* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС 7: 53], псков. *голова, пелами набитая* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [СПП 2001: 28], горьк. *в голове пелёва у кого* ‘о глупом, бестолковом, несообразительном человеке’ [СРНГ 25: 322]. Упоминание о сорном растении из семейства злаковых – метлике [ССРЛЯ 1948–1965, 6: 922] – содержится во влад. *с метликой* и *с метличкой (кто)* ‘с придурью’ [СРНГ 18: 140]. В них актуализирована сема “имеющий добавку сверх содержания, примесь”, являющаяся

стержневой для конструкций “предлог с + сущ. в тв. п.”, ср. диал. *с дуриной* ‘об умственном отсталом, глупом, придурковатом человеке’ [ПОС 10: 49], *с бусорью* ‘глуповатый’ [ФСРГС 1983: 18], *с простецей* ‘о глуповатом, придурковатом человеке’ [СРНГ 32: 241], *с придурцей* ‘с придурью, с причудой’ [СРНГ 31: 197], *с причелинкой* ‘с придурью, с умственным недостатком’ [СРНГ 32: 58]. И сорняки, и “растительные отходы”, заполняющие голову глупого человека, – это образы, которые помимо смысла ‘другое содержание (не то, которое должно быть в голове)’ несут еще и смысл ‘негодное, плохое, несостоящее содержание’.

На базе мотивировочного элемента *мох* возникло арх. диал. *моховая голова* ‘глупый человек’ [КСГРС]: *Моховая голова ничего не понимает, у тебя в голове-то мох/* [КСГРС]. Между тем, *мох* – это еще и символ дикой глуши. В данном случае основной смысл ‘не то содержание’ сопровождается коннотацией ‘дикое, свойственное захолустью’.

8. Метафора замещения головы овощем. Общеизвестно, что голова человека, вне связи с высокой или низкой оценкой его интеллекта, часто обозначается лексемами, первично называющими крупные овощи: жарг. *дыня* [СМА 1994: 126], *кочан* [Там же: 211], *тыква* [Там же: 484] с общим значением ‘голова’. В словарях русского литературного языка можно найти сравнения *голова как кочан* и *голова кочаном* [ССРЛЯ 1948–1965, 5: 1547], *голова в форме тыквы* [ССРЛЯ 1948–1965, 15: 1193]. Ср. семантический ход в обратном направлении: растущие в огороде овощи в просторечии именуются головой или головкой; например, под *головкой лука, чеснока, капусты* подразумевается луковица или кочан, вилок [Ожегов 1999: 136; Даль 1994, 1: 367]. Это не могло не отразиться в лексико-семантическом поле “Интеллект человека”. Вполне ожидаемо появление в молодежном сленге выражения *тыква сгнила* ‘об утрате способности соображать’ [АТЛ], где *тыква* – обозначение головы, не содержащее оценки умственных способностей “владельца” этой головы, а средством указания на интеллектуальную неполноценность человека послужила недоброкачественность этого овоща.

Но чаще метафора строится таким образом, что овощи, ничуть не будучи гнилыми и не имея никаких иных признаков недоброкачественности, все же выступают субститутами головы глупого человека. В этом качестве могут выступать тыква и капуста – крупные овощи, сходные с человеческой головой по форме и размеру.

Свидетельством в пользу солидного возраста этой метафоры является оборот *капустная голова*, квалифицируемый Л.Е. Кругликовой как калька с итальянского с указанием на наличие такого выражения в латышском, польском, украинском языках [Кругликова 2000: 105].

В этих языках обсуждаемая метафора сохранилась в семантических конструкциях типа “прилагательное от названия овоща + *голова* = ‘глупый человек’”. Ср. укр. *капустына голова* и *дыняна голова* ‘глупый человек’ (диал. *дыня* ‘тыква’) [Ивченко 1999: 11]. Возникновению подобных фразеологических оборотов, думается, способствовал упомянутый выше факт обозначения верхней части человеческого тела и растительных плодов округлой формы при помощи лексемы *голова*. В русском языке существует простореч. *голова садовая (кто)* ‘несообразительный, нерасчетливый или рассеянный человек’ [МАС 1981–1984, 4: 12], структурно подобное приведенным выше. Диалектные значения слова *сад* позволяют обнаружить в нем ту же “овощную” метафору. С учетом диал. *сад* ‘огород’ [СРНГ 36: 18] можно толковать прилагательное *садовый* как ‘растущий на огороде’, а в сочетании со словом *голова* оно могло бы первично служить обозначением овоща (любого из тех, к которым применима лексема *голова*). Другое значение этого существительного – диал. *сад* ‘огородное растение, овощ’ [СРНГ 36: 18] – позволяет увидеть в обороте *голова садовая* полный аналог выражений, которые содержат упоминание тыквы или капусты, поскольку тогда его следовало бы прочитывать как “овощная голова”. Большое значение имеет также общая активность конструкции “прилагательное + сущ. *голова*” в акте метафорического обозначения глупого человека, ср. диал. *аредова голова* ‘бестолковый’ [СРНГ 1: 272], *лягушечья голова* ‘о глупом человеке’ [СРНГ 17: 257], *неварёная голова* ‘глупый человек, тупица’ [КСГРС], *при-*

шивная голова 'о глупом, бестолковом человеке' [ПОС 7: 53], *розная голова* 'о пустом, дурном человеке' [СРНГ 35: 164], *чёртова голова* 'о глупом, бестолковом человеке' [ПОС 7: 53] и т.п. Как можно заметить, эта семантическая конструкция представлена в самых разных предметно-тематических кодах.

Вопреки ее популярности, обозначения глупого человека, построенные по этой схеме, не прижились в рамках растительного кода. За исключением оборота *голова садовая*, в современных русских лексикографических источниках подобные выражения не зафиксированы. Но метафора в целом была усвоена носителем русского языка. Ее жизнь продолжилась в метонимических наименованиях дурака: диал. дон. *тыква* 'дурак' [Даль 1994, 4: 447], дон. и краснодар. *кабак* 'о глупом, неумном человеке' (ср. диал. *кабак* 'тыква') [СРНГ 12: 280], жарг. *капуста* 'простак; недалекий человек' [Базарго 1998: 36]; (ср. генерализацию элемента 'голова' в диал. *башка* 'глупый человек' [СРНГ 2: 163], *башковатый* 'глуповатый' [СРНГ 2: 163], *голован* 'глупый, пустой человек' [СРНГ 6: 301]).

В современном русском разговорном языке "овощная" метафора воспроизведена максимально точно (но без сохранения структуры *прил. + голова*): выражения *не голова, а кочан у кого-н.* 'о глупом человеке' [Ожегов 1999: 301] и *вместо головы кочан капусты* 'о глупом, несообразительном человеке' [АТЛ] – прямые потомки бытовавшего в 18 веке фразеологизма *капустная голова*. А вот в случае с единичной фиксацией *тыквенное время* 'период, когда человек перестает соображать' [АТЛ] мы имеем дело с трансформацией обсуждаемой метафоры, обусловленной индивидуальностью носителя современного молодежного сленга. Здесь, в сравнении со всеми предыдущими номинациями, произошло усложнение семантической структуры языкового знака, поскольку "зазвучал" нехарактерный для "овощной метафоры" мотив нестабильности интеллектуальных состояний: временное ослабление умственных способностей человека представляется как временное замещение головы человека тыквой, которая не может выполнять функции органа мышления.

Почему только образы тыквы и капусты вовлечены в длинный ряд предметов, способных выступать символами глупости? Почему этот ряд не пополнился образами дыни и арбуза, которые также обладают внешним сходством с головой человека по форме и размеру? Неравноценность "растительной головы" и головы человека, т.е. "функциональная непригодность" овоща не объясняет, почему при создании языкового знака было "отдано предпочтение" некоторым плодам из множества подобных. По-видимому, причину столь тщательного отбора следует искать в самом заместителе головы, более пристально вглядываясь в образы этих овощей, имеющиеся в сознании русского человека.

Сравнение головы с кочаном капусты стало возможным потому, что он обладает таким качеством, как твердость, причем оно презентабельно именно для этого плода, поскольку твердость капустного кочана свидетельствует о степени его зрелости. Это свойство капусты [твердый, крепкий (о кочане)] ассоциируется с неспособностью глупого человека воспринимать информацию из внешней среды, с неподатливостью интеллектуальному воздействию, с неготовностью вступить в интеллектуальное взаимодействие. Ср. номинации, которые содержат метафору головы, изготовленной из твердого материала: диал. *деревянная голова* 'о глупом, бестолковом человеке' [СПП: 28], *чугунная голова* 'глупый, бестолковый, упрямый человек' [СРНГ 2: 78].

Кроме всего прочего, известные ассоциации вызывает зеленый цвет капусты, связываемый на уровне коннотации с незрелостью и далее с незавершенным развитием.

Тыква же оказалась избранной на роль заместителя глупой головы потому, что наивно-языковое сознание русского человека связывает с этим плодом признак 'пустой'. К этому располагает знание внутреннего строения овоща: после удаления семенной сердцевины остается волокнистый слой, прилегающий к корке и образующий полость; кроме того, после высушивания тыква становится полой внутри. В свою очередь, глупость как отсутствие содержания, пустота предстает во многих номинациях интеллектуальной сферы (диал. *калитка отворёна* 'о придурковатом человеке' [КСГРС] и др.). Полый

внутри овощ – достойная замена глупой (лишенной мозгов или интеллектуального багажа, то есть пустой) головы.

Центральной же для данной метафоры является следующая линия: частный мотив “имеющий другой предмет на месте головы”, сквозной мотив “имеющий неполноценный орган мышления” и мотивационная доминанта “неспособный к интеллектуальной деятельности”.

9. Метафора дерева как источника прочного материала. Модель “человек – дерево” – одна из самых архаичных, поэтому неудивительно, что в лексико-семантическом поле “Интеллект человека” она имеет несколько вариантов реализации. В частности, глупый человек ассоциируется с деревом, поскольку древесина вообще отличается прочностью. Мотив “твердый” восходит к сквозному мотиву “с трудом поддающийся внешнему воздействию” и далее к мотивационной доминанте “неспособный выполнять функцию восприятия (об органе мышления или человеке)”.

В наивно-языковом сознании современного человека деревом с эталонно твердой древесиной является дуб, обозначение которого в молодежном сленге имеет переносное значение ‘тупица’ [СМА 1994: 122]. Однако первоначально слово дуб имело основное значение ‘дерево’ и лишь потом являлось обозначением определенной древесной породы – ‘дуб’ и ‘дубовые бревна; дуб как материал’ [СРЯ 4: 368]. Так что “дубовая” метафора, вероятно, является более поздней модификацией образа “деревянного” человека – образа, в истоках своих свободного от привязки к какому-то конкретному виду древесной растительности, представители которого имели бы более прочную древесину в сравнении с прочими деревьями.

Поскольку значение ‘дерево’ было закреплено за лексемой дуб, то переносные значения отрицательно-интеллектуальной сферы развились именно у нее или ее производных: *дубовая голова / башка* ‘о недалеком, тупом человеке’ [МАС 1981–1984, 1: 451], *дубоватый* ‘глуповатый’ [Там же], терск. диал. *дубеть* ‘глупеть’ [СРНГ 8: 234] и *одубеть* ‘поглупеть’ [СРНГ 23: 66]. Но так как впоследствии основным у этого существительного стало значение ‘дуб, дерево из семейства буковых’, то и возникновение наименований глупого человека, апеллирующих к лексеме дуб, в современном наивно-языковом сознании связывается с особой твердостью древесины этой породы деревьев.

Ряд подобных номинаций необычайно разросся и пополняется по сей день за счет словообразовательных аффиксов, которые вносят дополнительную экспрессию в образ “дубового” человека. Можно назвать следующие диалектные факты: волог. *дубас* ‘дурак, балбес, дубина’ [СРНГ 8: 233], костром. и смол. *дубинник* ‘глупый, бестолковый, упрямый человек; дубина’ [Там же: 236], влад. *дубло* ‘глупый человек’ [Там же: 237], тамб. *дубяка* ‘о глупом, упрямом человеке’ [Там же: 242]. Эта же тенденция наблюдается и в молодежном жаргоне: *дубак* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ 2000: 169], *дубарь* и *дубчик* ‘тупица’ [СМА 1994: 122], *дубарина* и *дубон* ‘тупица’ [АТЛ]. Стало возможным даже появление отвлеченного существительного *дубизм* ‘тупость’ [БСЖ 2000: 170]. Наряду с прилагательным *дубовый* ‘неграмотный; глупый’ [Там же: 170] возникают содержащие большую экспрессию фразеологизмы *дубовый по самые гланды* ‘глупый человек’ [Базарго 1998: 27] и *дубовая роца* ‘место, где много тупых людей (обычно о военных)’ [СМА 1994: 122]. В первом случае перед нами образ человека, частично “изготовленного” из твердого материала – древесины дуба. В другом случае образ дерева, стоящего на корню, оживляется за счет подключения количественной метафоры (ср. жарг. *край непуганных идиотов* ‘о дураках’ [АТЛ], *шиза косит наши ряды* ‘о глупости, глупых людях’ [Там же]).

Примечательно также жарг. *пробковое дерево* ‘глупый, тупой, необразованный’ [СМА 1994: 372], которое происходит от обозначения одной из разновидностей дуба (*пробковый дуб*). Оно возникло не без влияния выражения *глуп как пробка* ‘об очень глупом человеке’ [МАС 1981–1984, 3: 465] и жарг. *пробка* ‘тупица’ [СМА 1994: 372], которые отягощены целым веером частных мотивов. Среди них мотив “легковесный”, обеспечивающий ассоциирование глупости и недостатка содержания, пустоты. Значим и мотив преграды, имплицитруемый прямыми значениями слова *пробка* ‘закупорка для

бутылок и вообще отверстий” и “затор: скопление чего-н., мешающее движению”, ср. жарг. *клапан* ‘дурак, недоумок’ [Там же: 197]. Кроме того, в пословице *Глуп как пробка: куда ни ткнешь, там и торчит* [СРФ 1999: 474] присутствуют коннотации “несамостоятельный” и “горчащий”. Таким образом, выражение *пробковое дерево*, можно сказать, номинально остается в рамках “дубовой” метафоры растительного кода, поскольку дерево (устоявшийся образ, лежащий в основе обсуждаемой номинации) и пробка (образ, вмешивающийся на правах ассоциации) не уступают друг другу в значимости. Разноплановые, неродственные мотивы оказываются собранными в узел; они принуждены звучать одновременно.

Наряду с лексемой *дуб* для выражения отрицательно-интеллектуальной семантики привлекаются обозначения других деревьев. Прилагательные, образованные от существительных *вяз, ольха, ель, береза, осина*, входят в состав устойчивых сочетаний, бытующих в русских народных говорах и в просторечии: новг. *вязовый лоб* ‘об упрямом, тупом человеке’ [СРНГ 17: 93], псков. *ольховая голова и еловая голова* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС 7: 53], простореч. *пень березовый* ‘очень глупый человек, тупица’ [СРФ 1999: 436], краснаяр. *балда осиновая* ‘бестолковый, глупый, тупой человек’ [СРНГ 24: 9]. Думается, что ссылки на прочность этих древесных пород не имеют доказательной силы для обоснования возникновения подобных оборотов. Ольха и ель, к примеру, не отличаются крепкой древесиной. Сравнение твердости древесины разных пород деревьев, названия которых упоминаются в составе фразеологических обозначений глупого человека, не даст соответствия *более / менее твердый – более / менее глупый*. Древесина любого дерева являет собой образец твердости. Выбор конкретных наименований деревьев мог зависеть от широты распространения отдельных древесных пород или от “популярности” использования их древесины в столярном деле.

Носитель жаргона, как того и следовало ожидать, вносит элемент языковой игры почти в каждую номинативную единицу – новую или модифицированную старую. В частности, простореч. *балда осиновая* “укорачивается” до существительного *осина* ‘глупый человек’ [АТЛ]. Подбирается альтернатива образу дуба: жарг. *самшит* ‘тупица’ (в прямом значении – ‘южное дерево с очень плотной и тяжелой древесиной’ [Ожегов 1999: 696]). В случае с жарг. *орешник* ‘глупый и упрямый человек’ [АТЛ] можно предположить в качестве формально-семантической базы для появления отрицательно-интеллектуального значения предшествующую этому переносу контаминацию слов *орешник* ‘ореховый кустарник’ [Ожегов 1999: 459] и *орех* ‘плод со съедобным ядром в скорлупе’ и ‘дерево, приносящее такие плоды, а также твердая древесина его, идущая на столярные изделия’ [Там же].

В возникновении жарг. *баобаб* ‘тупица’ [СМА 1994: 33] сыграли роль экзотичность этого дерева (в прямом значении – тропическое дерево с очень толстым стволом [Ожегов 1999: 36]) и непривычный для слуха фонетический рисунок. Образ дерева здесь перестал сигнализировать о неспособности к восприятию; взял верх мотив “исключительный, уникальный”. В образе бамбука – древесовидного злака с крепким полым стеблем – носитель жаргона подметил сочетание твердости и пустоты, которое пришлось как нельзя более кстати для ассоциирования с глупостью: *бамбук* ‘глупый человек, тупица’ [БСЖ 2000: 48], *бамбуковый* ‘глупый, тупой, недогадливый’ [СМА 1994: 31]. В этих вторичных номинациях – *бамбук* и *баобаб* – обсуждаемая метафора претерпела существенные изменения. Образ дерева не утерян, но в нем важна не “деревянность” (крепкая древесина), а экзотичность и пустота.

Наконец, лексема *дерево* и ее производные тоже нашли применение в обозначениях интеллектуально неполноценного человека, притом преимущественно в молодежном сленге. Ср. псков. диал. *деревянная голова* ‘о глупом человеке’ [СПП 2001: 28]; жарг. *дерево* ‘недалекий, глупый провинциал’ [БСЖ 2000: 154], *здравствуй, дерево!* ‘о глупом, бездарном человеке’ [Там же: 154], *африканское дерево и полное дерево* ‘глупый человек, тупица, бездарь’ [СМА 1994: 109], *деревянность* ‘глупость, тупость’ [АТЛ], *деревянный* ‘глупый, недалекий, тупой (о человеке)’ [БСЖ 2000: 155], *по пояс деревянный* ‘о глупом, несообразительном человеке’ [Там же: 469].

Дополнительные средства выражения “деревянной” метафоры изыскиваются через посредство обращения к накопленному человеком опыту применения древесины: обозначение листового древесного материала также приобрело переносное значение: жарг. *голова фанерная* [СМА 1994: 501] и *фанера* ‘глупый человек’ [БСЖ 2000: 620].

10. Метафора стоящего на корню дерева. В данной модели образ дерева рассматривается в отвлечении от свойств его древесины. К образу стоящего на корню дерева апеллирует прилагательное *стоеросовый*, выполняющее экспрессивную функцию в составе нескольких фразеологизмов. Это определение прилагается обычно к существительным, которые и самостоятельно, вне устойчивых выражений являются обозначениями глупого человека. Ср. *дубина стоеросовая*, *дурак стоеросовый*, *болван стоеросовый* ‘то же, что *дурак*, *болван*, но с оттенком усиления’ [МАС 1981–1984, 4: 269].

С одной стороны, это слово с яркой внутренней формой отсылает нас к “деревянной” метафоре и к воплощенному в ней мотиву “твердый”, сигнализирующему о неспособности глупца к адекватному восприятию. Но эта же внутренняя форма прилагательного заставляет предположить, что использование именно такой характеристики в отношении глупого человека не лишено самобытности и вовсе не ограничивается указательной функцией.

Мотивировка “расти стоя” посредством нарисованного с ее помощью образа стоящего на корню дерева манифестирует значимость семы ‘стоять’, которая наводит на ассоциации с обездвиженностью и бездеятельностью. Ср. *стоячий* (*пруд*, *воздух*) ‘неподвижный’ [Ожегов 1999: 771], *простой* ‘вынужденное бездействие (рабочей силы, механизма), остановка в работе’ [Там же: 622]. Если же предположить, что в прямых значениях прилагательное *стоеросовый* могло называть высокое дерево с ветками, близко прилегающими к стволу (в противоположность раскидистому дереву), или старое высохшее дерево (ветки которого тоже не образуют пышной кроны), как это делает Л.Е. Кругликова [Кругликова 2000: 99–102], то станет заметным сходство этих реалей со столбом. Этот образ тоже знаком наивно-языковому сознанию русского человека как символ обездвиженности и бесчувствия, ср., к примеру, разг. *стоять столбом* ‘стоять неподвижно’ [Ожегов 1999: 769] и *столбенеть* ‘терять способность двигаться от душевного потрясения’ [Там же]. В этой связи кажется закономерным, что прилагательное *стоеросовый* имеет в русских народных говорах переносное значение ‘грубый, бесчувственный (о человеке)’: *Муж у нее грубый*, – *ни старшим почтенья, ни о детях заботы* – *так, какая-то дубина стоеросовая*; *В работе сын силен, но промеж людей стоеросовый*, – *ни уваженья, ни сочувствия не понимает* (КСРНГ: цит. по [Кругликова 2000: 102]).

Таким образом, “стоеросовость”, то есть собственно стояние столбом, видится как замирание – двигательное, чувственное, интеллектуальное. Ср. диал. *стоень* ‘болван, олух, дурень’ [Даль 1994, 4: 334], *столбяник* ‘балбес, остолоп’ [КСГРС], *застолбенело кому-л.* ‘об утрате кем-л. ясности сознания, рассудка, мыслей’ [СРНГ 11: 62], *остолбеть* ‘сойти с ума’ [КСГРС], *остолбеньять* ‘обезуметь’ [СРНГ 24: 72].

Образ стоящего на корню дерева делает значимыми сквозные мотивы “неподвижный”, “безучастный”, “бесчувственный”, которые входят в мотивационную доминанту “неспособный взаимодействовать [воспринимать и реагировать] (о человеке)”.

11. Метафора неспособности удерживать газы в результате поедания гороха. В попытке “препарировать” псков. диал. *гороховый ум* ‘о слабом уме, плохой памяти’ [ПОС 7: 132] с целью экспликации мотива следует опираться на пространственный код, в котором картина “удерживания” мысли прописана особенно явно. В представлении носителя русского языка, ум – это ограниченный участок индивидуального пространства человека (виртуальная “площадка”), а одна из функций субъекта интеллектуальной деятельности – удерживание в этом пространстве идеальных объектов (мыслей), которые обладают двигательной активностью и, имея в качестве среды обитания пространство вне человека, способны “самовольно” проникать в ум человека и покидать его, ср. диал. *полезло на ум* [СДЛ 2000: 124], *взошло на ум* [ФСРГС 1983: 26], *прибрело* [СРНГ 31: 122], *встрелило* [СРНГ 5: 215] с общим значением ‘пришло на ум / в голову, вздумалось’ и

разг. из ума вон ‘совсем забыл’ [Ожегов 1999: 832], *вылетело из ума* ‘забылось что-либо’. Субъект размышления стремится не упустить мысль: диал. *держать в умах* ‘думать, предполагать’ [СРНГ 8: 23], *держать в разуме* ‘думать о чем-л.’ [СРНГ 34: 70] и *держать на разуме* ‘держат в голове, мыслях’ [СРНГ 8: 22]. Функция удерживания мысли может вменяться не только субъекту интеллектуальной деятельности, но и органу мышления, как в случае с выражением *гороховый ум*. Сквозной мотив “неспособный удерживать, хранить что-либо”, отраженный как минимум в двух предметно-тематических кодах (пространственно-динамическом и ботаническом), входит составной частью в мотивационную доминанту “неспособный выполнять функцию хранения идеальных объектов (знаний, мыслей) (о человеке или его органе мышления)”.

Перейдем к рассмотрению метафор со значением “хороший / никчемный, бесполезный”, а также “неправильный, аномальный”.

12. Метафора растительного мусора. В русской народной картине мира глупый человек отождествляется с растительным мусором, а именно мякиной и прочими отходами, остающимися после обмолота зерновых культур и льна. Эту метафору составляют только диалектные факты. Новг. *шума* имеет прямое значение ‘мусор; мякина, отходы при молочении зерна’ и переносное – ‘тот, у кого недостаточно развиты умственные способности’ [НОС 1992–2000, 12: 109]. Ряз. *кострик* ‘о глупом человеке’ [СРНГ 15: 80] становится понятным из сопоставления с диал. *кострига, кострыга, кострика, кострица, костричина, кострык* ‘жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания; костра’ [Там же]. Костром. *отрёпный выбиток* в прямом значении – ‘грубые остатки льна, отрепки’, в переносном – ‘невежда, неуч’ [СРНГ 24: 294]).

“Мусорные образы” актуализируют сквозной мотив “негодный”, входящий в мотивационную доминанту “никчемный, бесполезный (о человеке)”.

К той же мотивационной доминанте восходит другой вариант “мусорной” метафоры – “глупый человек – человек с примесью растительного хлама”. Краснояр. *дикая пасма* ‘глупый человек’ [ФСРГС 1983: 132], арх. *пасмо* и *дикое пасмо* ‘о глупом и неряшливом человеке’ [СРНГ 25: 259] опирается на образ неочищенного льна, ср. диал. *дикая пасма* ‘нерасчесанный, скомканный лен’ [СРНГ 8: 57]. Волог. *неопиханный* ‘глупый, придурковатый’ [КСГРС] поясняется диалектным контекстом: *Раньше-то у нас овёс да ячмень в ступе опихивали, чтоб чистый был; неопиханный – значит не хватает ума, тупой*. В смол. *неподсеванный дурак* ‘об очень глупом человеке’ [СРНГ 21: 114] прилагательное имеет мотивацию “непросеянный”. Образ человека с примесью возникает в ряз. *кострик* (в ком) *есть* ‘дурь, глупость’ [СРНГ 15: 80].

Частный мотив “не очищенный от примесей, захламленный” входит в сквозной мотив “частично плохой, негодный”. Ср. количественную метафору: диал. *половина дурака* ‘придурковатый человек’ [ФСРГС 1983: 144], *половинный* ‘глупый’ [НОС 1992–2000, 8: 89], *полуглупка* ‘глупый, придурковатый человек’ [СРГСУ 1962–1988, 4: 84], *Хорошой батько: две доли безумные, а треть дурака* ‘глуповатый человек’ [НОС 1992–2000, 11: 60].

13. Метафора качественной и некачественной древесины. В этой метафоре можно наблюдать явление симметрии (антонимии): образ дерева с некачественной древесиной, рисующий умственно неполноценного человека, и образ дерева, имеющего высококачественную древесину, рисующий умного человека, противопоставлены друг другу. Оно стало здесь возможным потому, что речь пойдет о собственных свойствах растительных реалий (деревьев), сказывающихся на их хозяйственной ценности, а эта ситуация рождает оппозицию “пригодный – непригодный (в хозяйстве)”.

Для носителя диалекта немаловажен тот факт, что особенности произрастания и строения дерева отражаются на качестве его древесины. Согласно его мировоззрению, такие деревья нуждаются в особом означивании. Лексемы *сосна* недостаточно, в дополнение к ней появляются вбирающие в себя новую информацию лексемы – *мянда* ‘мелкая сосна с крупнослойной и рыхлой древесиной, растущая в низменных местах’ [ССРЛЯ 1948–1965, 6: 1448], диал. *менда* ‘мянда, сосна с непрочной, некачественной древесиной’ [СРГСУ 1962–1988, 1: 126] и *конда* ‘крепкая мелкослойная смолистая сосна,

растущая на сухом месте' [СРНГ 14: 245]. Те же корневые морфемы в ином аффиксном оформлении становятся обозначениями вообще любого дерева с точки зрения перспективы его использования в качестве строительного материала: диал. *мендач*, *мьндаш* 'лес со слабой, некачественной древесиной' [СРГСУ 1962–1988, 1: 126], *кондач* 'дерево с крепкой, высококачественной древесиной' и *кондовый* 'с прочной, плотной древесиной; крупный, могучий, высококачественный' (о лесе, дереве преимущественно как о строительном материале) [СРНГ 14: 246–247].

Семы 'качественный' и 'некачественный' открывают возможности использования этих лексем в качестве обозначений умственно здорового и глупого человека: казан. диал. *кондовый* 'сообразительный, смысленный' [СРНГ 14: 247] и олон. диал. *мянда ко-сая* 'скотина, дурак, неуч, невежа' [СРНГ 19: 86]. Частные мотивы "качественный / некачественный (о древесине)" через посредство сквозных мотивов "годный / негодный" включаются в мотивационную доминанту "годный, хороший / никчемный, бесполезный (о человеке)".

Прилагательное в составе оборота *мянда косяя* обеспечивает явственное звучание мотива "кривой", который может быть вписан в разные мотивационные доминанты в зависимости от того, какой из сопоставляемых в рамках данной метафоры объектов (человека или дерева) считать точкой отсчета. С одной стороны, это прилагательное рисует дерево с искривленным стволом, указывая, таким образом, на дополнительный фактор, неблагоприятно сказывающийся на качестве древесины. С другой стороны, мотив кривизны сам по себе значим в лексике отрицательно-интеллектуальной сферы, поскольку является символом отклонения от нормы и входит в мотивационную доминанту "неправильный, аномальный". Ср. диал. *косо / криво повязан* 'о человеке глупом, слабого ума' [НОС 1992–2000, 8: 11], а также пословицу *Кривую стрелу Бог правит* 'о толковом рассуждении или поступке человека глупого и недалекого' [СРНГ 15: 246].

Однако в данном случае нет надобности делать выбор в пользу одной из мотивационных доминант, поскольку отношения между ними нельзя определить как конфликт, противоречие. Наоборот, в "мотивной полифонии" заключается характерная особенность языкового сознания, в котором разные мотивы, как нити, имеют свойство переплетаться, как бы стягиваясь в узлы и образуя прочную "ткань", на которую впоследствии ложатся "образы-рисунки", метафоры. В присоединении прилагательного *косой* к существительному *мянда* только для выражения семы 'низкокачественный' нет большой необходимости; оно не оправдывает себя, т.к. для этого достаточно лексемы *мянда*. Но введение его в языковой знак включает программу ассоциирования с различными "неправильностями". Ср. разг. *перекос* 'ошибка, неполадка' [Ожегов 1999: 505], *жизнь / дела наперекосяк* 'плохо, не так, как нужно' [Там же: 388], *кривотолкой* 'неправильные, неосновательные рассуждения, сплетни' [Там же: 306], прост. *косорукий* 'неуклюжий, с неловкими движениями рук' [Там же: 300], жарг. *косяк* 'ошибка, промах', *твой косяк* 'ты виноват, твоя ошибка', *накосячить* 'сделать что-либо плохо, неудачно' [АТЛ]. С помощью этих ассоциаций интеллектуальная неполноценность оказывается манифестированной как аномалия, отклонение от нормы. В этом и состоит назначение прилагательного *кривой* в рассматриваемом выражении.

Мотивы "никчемный" и "неправильный" пересеклись также в волог. *шарага* 'бестолковый человек', семантическим предшественником которого является диал. *шарага* 'кривое сучковатое дерево; дерево с раздвоенным стволом' [КСГРС]. С одной стороны, здесь играет роль прагматический взгляд диалектоносителя на все, что его окружает: для него одинаково негодны древесина кривого сучковатого дерева и бестолковый человек. С другой стороны, такая немаловажная деталь "облика" дерева, называемого *шарагой*, как раздвоенный ствол, могла бы навести и на мысль о неуклюжем (собственно, неправильном) человеке, от которого рукой подать до бестолкового. Выяснить, какая именно часть значения лексемы *шарага* явилась отправным пунктом для возникновения у нее переносного значения, представляется затруднительным.

Наконец, все те же две мотивационные доминанты проявились в метафорическом сопоставлении глупого человека и посолонного дерева. Последнее представляет собой де-

рево с особенной, закрученной справа налево (по движению солнца) древесиной, обычно кривое (*Это косина у его налево; у правильного дерева вправо идет* [КСГРС]), что затрудняет его обработку, обуславливая его хозяйственную непригодность. Ср. *Из посолонна дерева даже избы не строили, негодно оно для жилья как-то; Посолонное дерево не колетса почти, ни топором, ни колуном* [КСГРС]. Носитель диалекта нашел причину необычного изменения древесины в том, что одиноко стоящее дерево “тянется” за солнцем, совершаящим ежедневное движение с востока на запад, и указал ее в языковом знаке, поставив акцент на семе обратного движения. Именно движение в сторону, противоположную той, куда следовало бы двигаться, стало смысловым центром, который спровоцировал возникновение переносных наименований различных предметов и явлений, имеющих резкое отличие от прочих, оцениваемое как недостаток. Ср. арх. *корова посолонная* ‘корова, которая ходит отдельно от стада’ [СРНГ 30: 195], *посолоно* ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке’ [КСГРС], *посолонный* ‘невезучий (о человеке)’ [СРНГ 30: 195], *посолонные песни* ‘неприличные, непристойные песни’ [Там же].

Негативная оценка обязательно присутствует в подобных номинациях. Ей предписывает быть в наличии прагматично-неодобрительный взгляд диалектоносителя на дерево, непригодное для обработки, т. е. бесполезное, никчемное. Сочетание мотивов “неправильный” и “никчемный” явилось хорошим подспорьем для возникновения наименований отрицательно-интеллектуальной сферы: арх. *посолонный, посолонный и посолонный* ‘глупый, неумелый, бестолковый’ [СРНГ 30: 195]. Ср. также контекст к арх. *посолоно* ‘имеющий какой-либо недостаток’: *Ума нет, так посолоно, дерево тоже непрямо какое, а так всё скажем кому – посолоно ты, посолоно* [КСГРС]. Ведущим в образе посолонного дерева является все же мотив “запечатлевший в себе обратное движение”, который входит в мотивационную доминанту “неправильный, аномальный”.

Рассмотрим метафоры со значением “исключительный, уникальный”.

14. Метафора экзотического растения. В ходе описания “деревянной” метафоры уже упоминалось слово *баобаб* ‘тупица’, которое возникло под влиянием экзотичности соответствующей растительной реалии для жителя России. Частный мотив “экзотический (о дереве)” включается в сквозной мотив “необычный, непривычный” и далее в мотивационную доминанту “исключительный, уникальный”.

Эта мотивационная доминанта реализуется также в сквозном мотиве “редкий”, который претворился в образе цветка: угол. *эдельвейс* ‘психически ненормальный человек’ [БСЖ 2000: 709]. Толчком к возникновению в жаргонной языковой среде переносного значения у существительного *эдельвейс* послужила коннотация “труднодоступный” (выступившая в роли частного мотива), поскольку, в представлении носителя русского языка, этот горный цветок, растущий на крутых склонах, способен добыть лишь смельчак. Кроме того, накладывает свой отпечаток непривычный для слуха звуковой рисунок.

Рассмотрим метафоры со значением “имеющий черты внешности, свидетельствующие о низком интеллекте”.

15. Метафора растения с широкими листьями. Название репейника, как известно, служит в просторечии обозначением глупца – *лопух* ‘о глупом человеке, простаке’ [Ожегов 1999: 333]. В архангельских говорах обнаруживается аналогичная ситуация: слово *лопуга* имеет значения ‘лопух’, ‘капустный лист’, ‘озёрная трава’ и ‘глупый, несобразительный человек’ [КСГРС]. Отождествление глупого человека с растением, имеющим большие широкие листья, основывается на сходстве таких листьев с оттопыренными ушами человека, ср. жарг. *лопухи* ‘уши’ [СМА 1994: 230]. Вообще большие обвислые уши – элемент “типичной внешности”, приписываемой в русской картине мира простаку, глупцу (ср. диал. *вислоухий* ‘недогадливый’ [СРНГ 4: 296], *лопоух* ‘олух’ и *лопоухий* ‘недогадливый’ [СРНГ 17: 143]). Выявляемые мотивы: “имеющий большие широкие листья (о растении)” – “имеющий большие уши (о человеке)” – “имеющий типичную внешность дурака”. Далее интересно рассмотреть метафору со значением “совершенный”.

16. Метафора кедра. Уникален для русской языковой картины мира случай отождествления в высшей степени умного человека с деревом: жарг. *кедр* 'мудрый человек'. Обозначение положительной во всех отношениях растительной реалии несет исключительно положительные коннотации, и потому подходит на роль своего рода эталона мудрости. Мостиком между образами мудрого дерева и мудрого человека являются сквозные мотивы "обретший мудрость благодаря долголетию" и "хороший, положительный во всех отношениях", сливающиеся в мотивационную доминанту "совершенный".

* * *

Таким образом, было представлено шестнадцать метафор растительного кода, каждая из которых была проанализирована в мотивационном аспекте.

Обзор растительного кода хотелось бы завершить **выводами частного характера**, которые служили бы доказательством правомерности выделения предметно-тематического кода как самостоятельной единицы при исследовании лексико-семантических полей и могли бы обосновать необходимость рассмотрения кода во всей целостности представленных в нем образов и мотивов.

Перечень растительных образов, использованных номинатором при построении метафор, был приведен до подробного описания метафор растительного кода. Но какие свойства растительных реалий отмечены в наивно-языковой картине мира русского человека как пригодные для ассоциирования, например, с интеллектуальной неполноценностью человека? Этот вопрос принуждает нас взглянуть на частные мотивы. Поскольку частные мотивы минимально дистанцированы от образов, то в сочетании друг с другом они показывают, с какой стороны русский человек смотрит на растительные объекты, какие их признаки "заметны" для него. Это негативные последствия употребления в пищу некоторых растений и плодов, бесполезность заглушающих культурные посевы сорняков и отходов, остающихся после обработки льна, злаков, возможность использовать мох в качестве набивного материала, сходство крупных овощей с головой человека, крепость древесины, непригодность некачественного древесного материала к обработке, неподвижность и кажущаяся безучастность деревьев, удаленность лесов от культурных центров, опасность заплутать в лесных зарослях, обрастание мхом объектов дикой природы (камней, деревьев, пней), непригодность в пищу незрелых плодов и хлебов, зеленый цвет растительности, сходство широких листьев лопуха с ушами человека, "пустота" тыквы и ствола бамбука, экзотичность некоторых растений. С умственным благополучием же номинатор считает возможным связать высокое качество древесины некоторых пород деревьев, долголетие и комплекс положительных качеств кедра и зрелость плодов. Кроме того, не смогли остаться незамеченными этапы развития растений и сама возможность влиять на их рост.

Как можно заметить, растительная реалья для носителя языка – не "вещь в себе", а "вещь для человека". Он "видит" растения, которые прочно вошли в его жизнь: те, что растут на огороде, или те, что опасны, или те, что дают человеку полезные в хозяйстве материалы или пригодны для употребления в пищу и т.п.

На основании **перечня реконструированных по материалам растительного кода мотивационных доминант** можно составить следующий "портрет" мыслительной способности человека, в котором отразились различные объекты и ситуации интеллектуальной сферы, – образ, существующий в нашем сознании.

Умственное благополучие ощущается как полноценность, то есть соответствие норме. Наивысшее проявление ума (мудрость) видится как совершенство, некое идеальное состояние. Умственная деятельность направлена на производство новых и воспроизведение уже известных идеальных объектов. Кроме того, человек может воздействовать на ин-

теллект другого человека, ориентируя его на деятельность такого рода.

Умственное благополучие отличается нестабильностью и может быть нарушено. Ослабление умственных способностей обычно имеет причину.

Умственная несостоятельность есть неспособность человека вступать в интеллектуальное взаимодействие с другим человеком, то есть адекватно воспринимать воздействия извне и соответствующим образом реагировать. Она есть результат ущерба органу мышления и, следовательно, его непригодности к выполнению своих функций. Она есть также результат незавершившегося развития или отставания в развитии. Она манифестируется как аномалия, некая “неправильность”, отклонение от нормы.

Вывод об умственной неполноценности кого-либо можно сделать как по внешним, так и по внутренним признакам. К примеру, она “диагностируется” как на основании хаоса в мыслительных действиях, беспорядочного движения мысли, так и на основании “типично глупой внешности”.

Умственная несостоятельность делает человека исключительным, иным, не таким, как прочие. В ней лежит причина никчемности, бесполезности человека.

В каждой метафоре и в каждой языковой единице, которая была рассмотрена в рамках обсуждаемого кода, отразилась хотя бы одна из черт этого образа – имеющегося в наивно-языковом сознании русского человека “пакета” представлений об интеллектуальной деятельности человека.

Можно заметить, что некоторые мотивационные доминанты, реконструируемые в ходе анализа метафор, заключенных в лексическом материале, имеют сходство с идеограммами, присутствующими в изучаемом лексико-семантическом поле – такими, например, как ‘неразвитый’, ‘несовершенный (об уме)’, ‘ненормальный (о человеке)’. В этом совпадении становится явным соприкосновение мотивационной структуры поля с его семантической дифференциацией. Но немало, конечно, и своеобразных мотивационных доминант, отличных от дефиниций, обычно прилагаемых к лексике интеллектуальной сферы.

Перечень сквозных мотивов позволяет увидеть те пути, по которым номинатор движется к “овеществлению” абстракций, то есть к выбору вещественных образов, с его точки зрения пригодных для ассоциирования с интеллектуальными оценками и действиями. Гипотетически это означает, что такой мотив является посредником между одной мотивационной доминантой и несколькими метафорами, принадлежащими к разным предметно-тематическим кодам.

Сквозной мотив можно охарактеризовать с точки зрения его значимости в рамках каждого кода. Допустим, при описании растительного кода чаще других, по несколько раз каждый, встретились три мотива. Первый – мотив неспособности к восприятию и реагированию (вспомним твердость капустного кочана и древесины, безучастное стояние деревьев). Второй – мотив успешного развития либо недоразвития (отсюда зреющие плоды и хлеба, зеленый цвет укропа и капусты, лесное захолустье). Наконец, мотив неполадок с содержимым головами (то оно куда не годится, то оно отсутствует, то возникают проблемы с его хранением). По-видимому, элементы растительного кода особенно пригодны к воплощению этих мотивов.

Кроме того, глупый человек предстал как необычное и редко встречающееся явление и к тому же как имеющий незаурядную внешность человек – особенно привлекают внимание его большие уши. Кажется, будто он блуждает в плохо просматриваемом пространстве. Его считают никчемным.

Ослабление интеллектуальных способностей видится как результат внешнего воздействия или замещения головы другим предметом.

Умный же человек, положительный во всех отношениях и обретший мудрость благодаря долголетию, вызывает одобрение окружающих. Идеальные объекты, проникшие в его интеллектуальное пространство благодаря вмешательству других субъектов интеллектуальной деятельности, стремятся закрепиться, занять в нем место, с тем чтобы далее совершенствоваться через посредство умственных действий человека и впоследствии достичь результативных изменений.

“Картинка”, полученная на основе сквозных мотивов, сюжетна и располагается в некотором отдалении от отвлеченных, абстрактных формул, которыми можно описать суть представлений об интеллекте человека, но свободна от конкретных образов: в ней ни разу не были упомянуты растительные реалии. Эта “прослойка” между ними есть схематичное представление возможных метафорических сюжетов.

Еще несколько строк о необходимости **контрастивного анализа лексического материала, принадлежащего разным субъязыкам**. Отдельные метафоры присущи лишь одной форме существования русского языка. Причина этого состоит в том, что отдельные свойства некоторых растительных реалий “видны” и важны только носителю одного субъязыка. Это относится к образу дерева, оцениваемого носителем говора с точки зрения качества его древесины, а также к образу растительного мусора, который, по мнению диалектоносителя, есть образец никчемности – ведь это то, что отделяется от полезного и ценного.

Иногда сами реалии, упоминаемые в метафорических обозначениях глупца, функционирующих в одном субъязыке, незнакомы носителю другого субъязыка; к примеру, образы эдельвейса и баобаба отсутствуют в диалектной картине мира (где, по-видимому, представление о “неместных” растительных реалиях вообще не является сколько-нибудь значимым и, возможно, отсутствует).

Наконец, немаловажен фактор наличия / отсутствия в субъязыке семантической позиции; например, только в жаргоне, просторечии и литературном языке присутствует представление о производительности интеллектуального труда. В диалекте ум видится как деловитость (диал. *делец* ‘деловой умный человек’ [СРНГ 7: 342]), или как расторопность (диал. *на камню дыру вертит* ‘об умелом, расторопном, умном человеке’ [КСГРС]), или как умение выполнять хотя бы элементарные действия, делать что-л. правильно, как положено (диал. *не умеет лицом к ставцу* (= чашке) *сесть* ‘дурак’ [Даль 1994, 4: 311]), но только не как способность творить, созидать, производить нематериальный продукт.

Ввиду того что лексический фонд, на основании которого выделяется один предметно-тематический код, представляет собой мини-площадку, подобную лексико-семантическому полю во всей его целостности, можно говорить об универсальности некоторых **выводов теоретического характера**, касающихся терминов и приемов описания мотивационной структуры поля.

1. Основание возникновения вторичных номинаций должно выявляться как *соотношение свойств сопоставляемых в метафоре объектов*.

2. Обозначение свойства, приписываемого объекту, образ которого возникает при буквальном прочтении метафоры, является *частным мотивом*. В его названии отражена основная особенность такого мотива: он “локален”, то есть имеет наименьшую область приложения, поскольку относится к одному или к нескольким языковым фактам, представляющим одну метафору.

3. Обозначение свойства, приписываемого объекту, для описания которого была создана метафора, то есть собственно номинируемому объекту, является *мотивационной доминантой*. Под доминированием этого мотива подразумевается, во-первых, его максимальная приближенность к номинируемому объекту, свойства которого предопреде-

ляют направления ассоциирования, поскольку мысль номинатора отталкивается от свойств номинируемого объекта. Мотивационные доминанты – базовые смысловые элементы, мотивирующие со стороны исследуемого лексико-семантического поля привлечение того или иного метафорического образа. Во-вторых, мотивационной доминанте принадлежит главенствующая роль в цепи мотивов разных степеней обобщения.

4. Мотивационную доминанту с частным мотивом связывает *сквозной мотив*, который в идеале должен представлять собой смысловой экстракт, в равной мере удовлетворяющий тому и другому мотиву (хотя добиться этого не всегда возможно). По отношению к частному мотиву сквозной мотив является интерпретатором смысла, в то время как для мотивационной доминанты он является конкретизатором, указывающим путь от нее к частному мотиву и к конкретному образу. Так, в случае с жарг. *эдельвейс* ‘психически ненормальный человек’ реконструируем цепочку мотивов: “труднодоступный (о цветке)” – “редкий” – “исключительный, уникальный (о человеке)”. Мотив “редкий” выступает посредником, обосновывающим правомерность соотношения частного мотива и мотивационной доминанты. Он является связующим звеном между двумя мотивами, каждый из которых принадлежит только одному из сопоставляемых объектов. Нельзя, к примеру, приложить характеристику “труднодоступный” к человеку, а “уникальный” к цветку, поскольку получается бессмыслица либо смысл кардинально меняется. Формулировка “редкий” максимально точно отражает суть частного мотива и мотивационной доминанты, намечая мостик между ними, точку соприкосновения, “примиряя” их. В этой точке встречаются сопоставляемые объекты, это стержень метафоры. Причиной же того, что этот мотив назван сквозным, служит характер его взаимосвязи с частными мотивами.

5. Одной мотивационной доминанте соответствует немалое число частных мотивов, и без реконструкции сквозных мотивов оказалось бы невозможным привести в систему множество частных мотивов. Каждый сквозной мотив выполняет функцию организационного центра, вокруг которого располагается обычно несколько частных мотивов. В свою очередь каждая мотивационная доминанта объединяет “пучок” сквозных мотивов. Таким образом, мотивы разных уровней связаны отношениями последовательного включения, поскольку имеют различную степень обобщения. Она минимальна у частных мотивов и максимальна у мотивационных доминант.

6. Любая метафора содержит скрытую информацию о том, какой видит носитель языка умственную деятельность человека. На основании набора мотивационных доминант реконструируется “портрет” номинируемого объекта. Перечень сквозных мотивов позволяет увидеть общие очертания, схемы будущих метафор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- АТЛ – *Архив Т.В. Леонтьевой* (записи студенческого жаргона, осуществленные в Екатеринбурге в 1997–2003 гг.).
- Базарго 1998 – Ю.В. *Шинкаренко*. Базарго. Жаргон уральских подростков. М., 1998.
- Байбурин 1988 – А.К. *Байбурин*. Коды обряда и их взаимодействие // *Фольклор: проблемы сохранения и взаимодействия*. М., 1988.
- Байбурин, Левинтон 1998 – А.К. *Байбурин*, Г.А. *Левинтон*. Код(ы) и обряд(ы) // *Кодовы словенских култура*. Београд, 1998. Бр. 3: Свадба.
- Березович 2004 – Е.Л. *Березович*. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // ВЯ. 2004. № 6.
- Березович 2005 – Е.Л. *Березович*. Теория коннотации в современной лингвистической семантике и ономастика // *Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. научн. конф.*, Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.
- Брагина 1999 – Н.Г. *Брагина*. “Во власти чувств”: мифологические мотивы в языке // *Славянские этюды: Сб. к юбилею С.М. Толстой*. М., 1999.
- БСЖ 2000 – В.М. *Мокиенко*, Т.Г. *Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

- Быкова 2005 – *О.И. Быкова*. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). Воронеж, 2005.
- Головановская 1997 – *М.К. Головановская*. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997.
- Даль 1994 – *В.И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1994.
- Ивченко 1999 – *А.О. Івченко*. Українська народна фразеологія: ономастологія, ареали, етимологія. ХФОЛЮ, 1999.
- КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров.
- Кругликова 2000 – *Л.Е. Кругликова*. Синонимический ряд “глупый человек” в истории русского языка // Слово во времени и пространстве: К 60-летию проф. В.М. Мокиенко. СПб., 2000.
- КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (каф. русск. яз. и общ. языкознания Уральского гос. ун-та)
- Лукьянова 1986 – *Н.А. Лукьянова*. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
- МАС 1981–1984 – Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- Маслова 2001 – *В.А. Маслова*. Лингвокультурология. Учебное пособие для студ. высших учеб. заведений. М., 2001.
- МЯТ 1988 – Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Мякова 1998 – *Е.Ю. Мякова*. Проблемы исследования метафоры // Языковое сознание: Формирование и функционирование. М., 1998.
- НОС 1992–2000 – Новгородский областной словарь. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.
- Ожегов 1999 – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.
- Опарина 2000 – *Е.О. Опарина*. Исследование метафоры в последней трети XX века // Лингвистические исследования в конце XX века: Сб. обзоров. М., 2000.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л., 1967 и сл.
- Рут 1992 – *М.Э. Рут*. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001 и сл.
- СДЛ 2000 – *В.Д. Лютикова*. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- СМА 1994 – *В.С. Елистратов*. Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг. М., 1994.
- СПП 2001 – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001.
- СРГСУ 1962–1988 – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7-ми т. Свердловск, 1962–1988.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965 и сл.
- СРФ 1999 – *А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова*. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999.
- СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 и сл.
- ССРЛЯ 1948–1965 – Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.; Л., 1948–1965.
- Телия 1996 – *В.Н. Телия*. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- ТМ 1990 – Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., 1990.
- Толстая 2002 – *С.М. Толстая*. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. М., 2002. № 1 (3).
- ФСРГС 1983 – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983.
- Чернейко 1997 – *Л.О. Чернейко*. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Чудинов 2001 – *А.П. Чудинов*. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2001.